

26 ЯНВ 1985

ПСКОВСКАЯ ПРАВДА

КЛУБ интересных ВСТРЕЧ

В молчании актера — крик души

У нас в гостях народный артист СССР Евгений Лебедев

КАКИХ только похвал ни удостоивал критика этого актера! Его высочайшему мастерству рукоплескали зрители Варшавы, Парижа, Лондона, Токио, Стокгольма и многих других городов за рубежом и в нашей стране. Спектакль «История лошади», в котором Евгений Лебедев исполнил роль Холстомера, признан выдающейся театральной постановкой во всем мире. Евгений Лебедев ведет поиски и в режиссуре: он поставил спектакль «Последний срок» по повести Валентина Распутина. Снимается в кино.

Но главное дело его жизни — это, бесспорно, театр, которому он служит многие годы. Галерея образов создана им в спектаклях одного из ведущих театров страны — Ленинградского академического Большого драматического театра имени Горького: Холстомер в «Истории лошади», Бессеменов в «Мещанах», Рогожин в «Идиоте», Монахов в «Варзарах», Артуро Уи в «Карьера Артуро Уи», Вожак в «Оптимистической трагедии».

Сегодня народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Евгений Лебедев, побывавший на днях в Пскове, — гость нашего «Клуба интересных встреч».

...

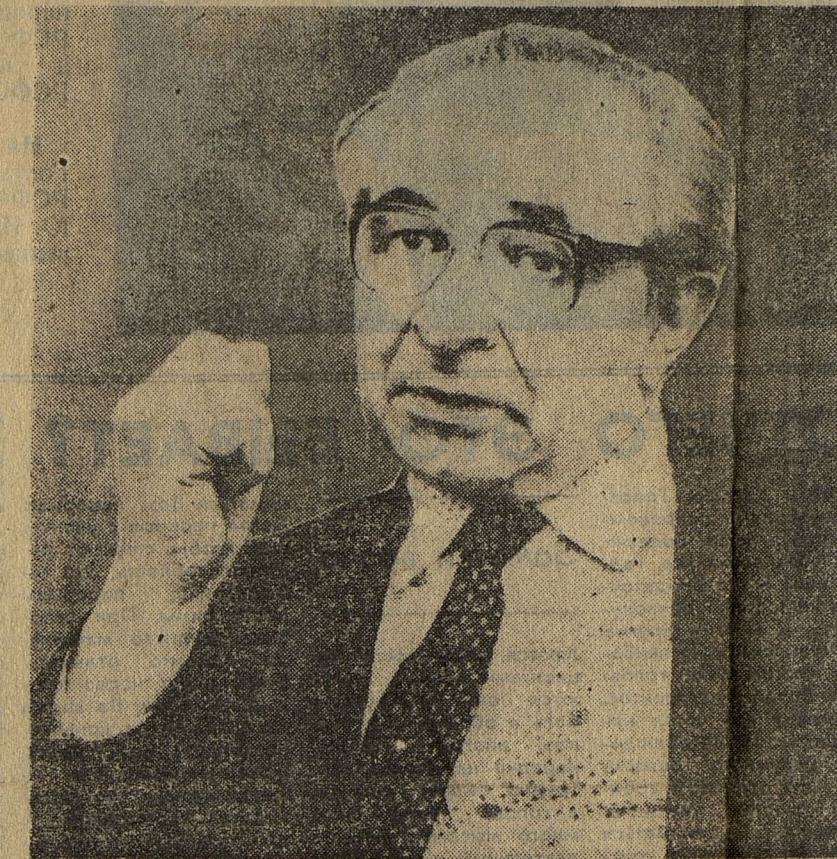
— Евгений Алексеевич, известно, как долго и труден был ваш путь к сцене. Как вы считаете, не будь этого, стал бы Лебедев тем Лебедевым, творчество которого знают сегодня во всем мире?

— Я бы не стал ставить вопрос так узко. Эта тема — путь к профессии — касается каждого человека. Можно проучиться несколько лет на врача или физика. Но если даже диплом в кармане, станешь ли ты врачом, физиком, еще вопрос. Главное, на мой взгляд, то, что человек взял за время учебы. И это касается не только знаний, но и жизненной позиции.

Порой бывает как? Даем мы молодым много, а требуем от них слишком мало. Все легко идет к ним в руки, а когда человеку постоянно улыбается удача, он перестает понимать ей цену. Приходит к мысли, что, поскольку выдержал большой конкурс в театральный институт, уже «зачислен» в коллектив всех артистов страны. А на деле-то до этого далеко.

Когда я учился, на актерский факультет приняли 28 человек, а выпустили с дипломами только тринадцать. Такой был отбор. И в театр чаще всего приходили не юнцы, а уже повидавшие жизнь люди.

Я пришел в театр, перепробовав массу профессий. Начал работать с двенадцати лет. Первая профессия — слесарь-ле-

кальщик. Ее получил в ФЗУ. Потом был грузчиком, арматурщиком, работал на стройке, в кузнице, на маслобойке, на колхозном поле. На кондитерской фабрике «Красный Октябрь» освоил профессию вальцовщика. И везде была не только работа. Были люди. Разные. Запас впечатлений, набранный именно в ту пору, «работал» на меня и потом.

Я тогда не только научился многое делать своими руками, что тоже пригодилось (в спектакле Николая Охлопкова «Железный поток» трава, деревья — все мною было сделано; в Камерном театре помогал готовить оформление, выполнять лепные работы из глины). Я тогда вообрал в себя главное: есть работа, за которую отвечаешь только ты. И никто другой.

Этого подхода к жизни некоторым молодым актерам недостает, а без него куда же? Каждая роль требует к себе большой любви, особого отношения. Если ты, актер, этого захочешь, она станет такой же живой, как ты сам. Она мстительна, ревнива, может изменить тебе. Все зависит от твоего отношения к делу. Говорю об этом потому, что постиг это не за год, не за два — за долгую актерскую жизнь. Теперь я знаю: трудно пользоваться чужими «рецептами». Актер должен выносить все в себе, чтобы это было не чье-то повторение, а только его личное.

— Ваша книга «Мой Бессеменов» была изда-

на, но у вас есть и «Ваш Рогожин», «Ваш Холстомер», и перечень этот можно продолжить. Смогут ли издания книжки перевернуть театр прочесть и другие ваши записки?

— Делаю записки всегда, когда готовлю роль. Еще до издания книжки «Мой Бессеменов» журнал «Театр» опубликовал мою статью «Как я изучал собаку». На этом, собственно, мои печатные «труды» и исчерпываются.

Но вдруг меня стали спрашивать все чаще и чаще: «Что пишете?». Некоторые издательства стали предлагать заключить с ними договор, чтобы я издал записки, хотя я пишу исключительно для себя. Все, что думаю, работая над ролью. Теперь мне и самому интересно: как все мои размышления сложатся в одно целое, получится ли единый внутренний монолог о том, как рождается роль?

Вот мой Серебряков в «Дяде Ване». Его чаще всего показывают как неудачника, бездарного человека, позера, которого тем не менее любят женщины. А почему любят? Так ли он бездарен? Нет, пожалуй, его и любят как раз за талант. Пусть сейчас он «вышел в отставку», а на смену ему пришли другие, но когда-то и он был необходим. Он работал, делал дело, как любит говорить. И все эти качества мне, актеру, нужны в нем, Серебрякове, найти. В «Дяде Ване» вообще у каждого — трагическая судьба. И недаром первым среди дейст-

вующих лиц пьесы Чехов поставил профессора Серебрякова.

А Рогожин? Как менялся он для меня все эти годы? Казалось бы, сколько раз уже читал и романы, и пьесы Достоевского, и вдруг вновь открывал для себя какое-то слово, невидимый прежде штрих. Думаю, этого зритель и ждет прежде всего от актера и режиссера. Прочесть произведение он может и сам. А прочесть так, как театр, — нет. Хотя бы в силу того, что отсутствие времени заставляет порой читать бегло, поверхностно. И вот он, зритель, ждет от меня, актера, откровения. Каким Рогожиным я явлюсь?

Где-то в письмах Достоевского я вычитал, что образ Рогожина — самый сложный в романе. Стал брать уроки у самого писателя. Не читать, а впитывать в роман «Идиот». И понял, как мелко проник в суть Рогожина, Рогожин понравился князю Мышкину. Чем? Тем, что способен к состраданию, и чем больше человеческого просыпается в нем, тем трагичнее его существование. А я-то поначалу «наживал» страсти старался выплеснуть их на зрителя. Может быть, стоило просто найти такой крик души, чтобы он слышен был в молчании, в паузе актера. Уверен: зритель всегда поймет это и примет.

— Как приняли даже самые большие недруги нашей страны, нашего советского искусства вашего Холстомера? — Когда труппа наше-

го театра, например, была на гастролях в Японии, там у театрального подъезда проходили антисоветские демонстрации. Связано это было с инцидентом с южнокорейским самолетом, который западная пропаганда «подала» так, как было нужно ей. Мы еще не представляли, как придется работать в подобной обстановке, когда в Токийском театре собирались люди, пытавшиеся сорвать спектакли. Потом мы, актеры, делились друг с другом впечатлениями, как трудно было выходить к такому зрителю и нести ему идеи Толстого. Но, знаете, была и радость, когда эти люди, многие из которых, возможно, равно ничего не знали о нашей стране, уходили из зала — мы это чувствовали — другими. Потрясенными. Может быть, кто-то тогда впервые узнал о том, что есть великая русская литература, советский драматический театр с большими традициями.

В Швеции «Историю лошади» принимали так, что даже правые буржуазные газеты на следующий день после нашего спектакля на первой странице рядом с портретом короля поместили фотографии советских актеров. Перед великой силой искусства бессильны и недруги.

— Евгений Алексеевич, известно, что несколько десятилетий длится ваше сотрудничество с выдающимся советским режиссером Георгием Александровичем Товстоноговым. Как вы нашли друг друга?

— Первая встреча состоялась очень давно, еще в тридцать пятом году. Мы были тогда студентами, жили в одном общежитии. Потом оба оказались в Тбилиси, правда, в разных театрах: он — в театре русской драмы, я — в ТЮЗе, где была создана студия, руководить которой стал Товстоногов. А я был у него педагогом. Тогда я еще сказал себе: «Вот бы к такому режиссеру попасть!». И попал. Потом работали с ним в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола, Большом драматическом.

— А что бы вы еще мечтали сыграть в спектаклях Товстоногова?

— Много. Короля Лира, например. Мне вообще-то везет на классику. Десять лет жизни были связаны с творчеством Достоевского, пятнадцать — Горького. А еще были Пушкин, Толстой, Островский, Чехов...

— Пусть все ваши творческие замыслы сбываются!

— Спасибо!

Беседу вела
С. АНДРЕЕВА.

На снимке: Е. А. Лебедев.
Фото А. МЕДВЕДЕВА.